

Е. А. Киндлер

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ Ф. НИЦШЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ф. Ницше, античность, Серебряный век, интерпретация.

АННОТАЦИЯ: В статье сделана попытка сопоставительного анализа различных подходов к пониманию теории античности Ф. Ницше, дано обоснование актуальности этой теории, а также проанализирована специфика ее влияния на процесс диалога между Новейшим временем и культурой Древней Греции.

E. A. Kindler

Yekaterinburg, Russia

THE PARTICULAR INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF ANTIQUITY F. NIETZSCHE DOMESTIC THINKERS

KEY WORDS: F. Nietzsche, antiquity, the Silver age, interpretation.

ABSTRACT: The article is an attempt of comparative analysis of different approaches to understanding the theory of antiquity F. Nietzsche, given the relevance of this theory, as well as the specifics of its influence on the process of dialogue between the contemporary history and culture of Ancient Greece.

Как известно, именно творчество Ницше при внешней парадоксальности, логической противоречивости и в то же время внутреннем единстве оказалось наиболее созвучно мозаичной культуре XX века, в значительной мере определив многообразие философских и художественных исканий. Уже в первоначальном восприятии отечественными мыслителями его работ выделилось два комплекса проблем: с одной стороны, проблемы самосозидания, самопреодоления человека, с другой – проблемы рождения нового типа культуры, противоположного культуре христианской, преобразующего и перерастающего ее. Данные проблемы вызвали целый ряд вопросов морального, эстетического и религиозного характера.

Особое значение приобрела и ницшевская трактовка античности, поскольку именно в начале прошлого столетия, ознаменовавшегося кризисом фундаментальных ценностей культуры, происходило переосмысление путей и целей

исторического развития, обращение к его истокам. Примечательны в этом плане слова Ф.Ф. Зелинского, отражающие характерные для того времени увлеченность древностью и попытку понять текущее через минувшее: «Прогресс – лозунг той культуры, которая коренится в античности; к нему сводится вся игра идей, которую нам завещала античность» [3. С. 145].

В духовной атмосфере серебряного века со свойственным ей стремлением к синтезу различных исторических традиций, синкретизму рационального и мифологического знания предложенная немецким мыслителем новаторская интерпретация вызвала широкий резонанс. В отличие от академических или позитивистских теорий, она давала возможность совершенно иначе осмыслить насущные проблемы взаимоотношений личности и общества, делая античность предельно близкой современности, при этом раскрывая опыт постижения жизни через

мифотворчество, выявляя иррациональную, трагическую сторону бытия культуры. Данная трактовка анализировалась *логически* через сопоставление с классическими теориями, через выявление внутренней закономерности в эволюции античных идей и образов ницшевских работ (А. Ф. Лосев, Ф. Ф. Зелинский), *культурологически* через раскрытие исторических реалий Древней Греции, интерпретацию ее мифов, ритуалов (В. В. Вересаев), а также *художественно-эстетически* (Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок, Д. С. Мережковский и др.).

Стоит отметить, что обращение к концепции Ф. Ницше и ее критике не утратило актуальности, о чем свидетельствует, например, наличие целого блока исследований, посвященных влиянию иррациональной трактовки античности на постмодернизм (Г. Э. Ирицян, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Хабермас, В. Ф. Халипов др.). Помимо того, что в данных исследованиях анализируется процесс трансформации метафор и символов творчества Ницше в контексте современной культуры, многие авторы применяют ницшевскую терминологию в анализе новейших социокультурных тенденций, подчеркивая ее универсальность. В частности, В. Ф. Халипов использует дихотомию «дионисийское-аполлоновское», рассматривая исторический процесс как последовательную смену одного начала другим, и предлагает периодизацию: архаика – греческая классика – эллинизм – греко-римская классика – упадок классики позднего Рима – искусство «темных веков» – готика – Возрождение – барокко – классицизм – романтизм – реализм – модернизм – постмодернизм.

Собственно постмодернизм трактуется В. Ф. Халиповым как завершающий период истории, который по многочисленным признакам можно считать развивающимся в русле аполлоновского начала – в частности, из-за обращенности в прошлое, стремления к творческой переработке прошлого и его синтезу, в отличие от дионисийской интенции к обновлению.

Анализ образа античности, созданного Ницше, у многих исследователей связывается с попыткой понять роль и судьбу искусства в XXI веке (см. Г. В. Варакина, Т. Т. Гайдукова, Б. В. Марков). Плюрализм мнений, представлений, концепций, ставший ведущей чертой современного общества, отсутствие целостной картины в науке и образовании требуют развития методологии сопоставительного и дискурсивного анализа философских трудов и их интерпретаций.

Обратимся непосредственно к тем работам, которые, на наш взгляд, имеют принципиальное значение в отечественном понимании теории культуры Ницше. Как уже говорилось, мы условно подразделили их на логические, культурологические и художественно-эстетические.

1. Логические интерпретации

Отсутствие систематического изложения у Ницше, проблема периодизации творчества становится предметом многочисленных споров среди исследователей, стремившихся к логическому анализу его работ. Одни представляли концепцию философа цельной и последовательной. Другие пытались определить различия между периодами и выявить противоположные позиции внутри каждого из них. Так Е. Н. Трубецкой, считавший философию Ницше «лабиринтом противоречий», в своем критическом очерке показал, насколько ее основные позиции являются несогласованными принципиально и исторически: в области онтологии – обращение к метафизике и позитивизму, в области этики – имморализм и проповедь морали, в области гносеологии – неутомимый поиск истины с отказом признавать ее принципиальную значимость. Те, кто воспринимал творчество немецкого мыслителя как единый процесс, обычно сосредотачивали внимание на какой-либо основополагающей тенденции. Весьма часто подобная практика приводила к дискредитированию ценности одного из периодов, в том числе романтико-пессимистического.

Например, Р. Дж. Холлингдейл, показывая эволюцию взглядов Ницше,

трактует ее как процесс постепенного утверждения позитивного мировоззрения над метафизикой. Исследователь не придает высокого значения работе «Рождение трагедии из духа музыки». По его мнению, Ницше только изложил идеи Шопенгауэра относительно наличия в мире трансцендентальной категории «воля», дал неверную – признанную неверной еще в свое время – культурологическую трактовку, основываясь на гипостазированных абстракциях своего «воспитателя». «Мысль от Шопенгауэра, храбрость от Вагнера, собственно от Ницше – язык сражения» [8. С. 151]. «Рождение трагедии...», как считал Р. Дж. Холлингдейл, является исключением из общей философской концепции. Биограф ссылается и на тот факт, что сам Ницше практически отрекся от своей ранней работы в «Ессе Номо».

В противоположность подобному взгляду – не совсем характерному для западной критики – существует более распространенное мнение, согласно которому именно в ранний период у Ницше сформировались ведущие идеи и образы, получившее в дальнейшем многочисленные вариации и модификации (В. Виндельбандт, А. Данто, Ф. Юнгер).

В отечественной традиции аналогичную позицию занимал, в частности, Ф. Ф. Зелинский – известный историк культуры, исследователь античности, поэт-переводчик, один из редакторов полного собрания сочинений Ницше. В 1911 году им была написана статья «Фридрих Ницше и античность», где уже в самом начале утверждалось «единство развития Ницше, как сына и проповедника античности, от первой до последней написанной им строки» [2. С. 945], а также подчеркивалось размежевание автора с теми исследователями, которые недооценивали ранние работы философа. Ф. Ф. Зелинский обосновывает основной тезис, выделяя несколько направлений влияния античности на творчество философа. В предельно кратком конспективном изложении они могут быть представлены следующим образом:

1. Стилиевые параллели с Гераклитом, Саллюстием и Горацием, на которые указывал и сам Ницше. При этом исследователь отмечает, что данный афористический стиль оформляется скорее не в романтико-пессимистический период, а ко времени написания работ «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», то есть в скептико-позитивистский.

2. Заимствование понятий античной культуры, которые у Ницше становятся ключевыми. Так, к примеру, Ф. Ф. Зелинский обращает внимание на совпадение термина «Воля к власти» с цicerоновским «*appetitio principatus*» или на аристократическую, имморальную трактовку категории «добрый».

3. Аристократическая модель государственного устройства, восходящая к Гераклиту и в еще большей степени Платону; понимание цели государства как созидания гения. Эта модель, будучи представленной еще в ранней работе «О будущности наших образовательных учреждений», развивается на протяжении всего творчества Ницше, обретая новые смыслы.

4. Рецепция пифагорейских идей в теории «Вечного возвращения» – перевод онтологического учения в русло этической интерпретации.

5. Наконец, иррациональная трактовка трагедии, противопоставление дионисического экстаза сократической рациональности.

Таким образом, античность, по преимуществу, трагическая эпоха Древней Греции, как считает Ф. Ф. Зелинский, явилась источником формирования ницшевского мировоззрения, удивительно близкого настроениям и поискам серебряного века. «Вот то семя, которое оплодотворило богатую душу Ницше, возшло роскошным деревом и дало, в свою очередь, семена, оплодотворившие души увлеченных им людей». [2. С. 958]. Статья завершается размышлением о широком влиянии ницшевской философии на поэзию, музыку, изобразительное искусство, политику, этику и богословие.

Как известно, смелые творческие начинания столетия были практически смятены новой исторической реальностью, изменилась и ситуация в отношении Ницше: в 1922-1924 годах его книги были запрещены и изъяты из библиотек. Тем значительней представляется факт появления в 30-е годы исследований о нем, проводимых А. Ф. Лосевым. Ю. В. Синеокая указывает, что во многом благодаря именно А. Ф. Лосеву философия культуры Ницше получила резонанс в советской России.

В статье о Ницше он рассматривает два способа восприятия античности: классический и неоромантический. Отдавая предпочтение первому, мыслитель в то же время признает ценность ницшевского толкования дионисийского и аполлоновского начал: «обе стихии изображены здесь с гениальной прозорливостью, - опровергать это можно теперь лишь в порядке позитивистского ослепления или недостаточного внимания к существу вопроса» [5. С. 969].

Концепция Ницше не представлялась великому знатоку античности фантастической или беспочвенной. Ее основания Лосев находил в трактовках неоплатоников, Шеллинга и Гегеля, воспринятых автором «Рождения трагедии...» через философию Шопенгауэра и романтизм Шиллера.

Дав достаточно высокую оценку концепции Ницше, и, в сущности, открыто пропагандируя его творчество в то время, когда мало кто решался это делать, Лосев все же отметил ее субъективизм и продемонстрировал принципиальные заблуждения. Их основной причиной исследователь считал то, что Ницше в своей трактовке исходил из ценностей и представлений новейшей европейской культуры, совершенно игнорируя подлинный характер древнегреческого мировосприятия, накладывая на него маску романтизма.

2. Культурологические интерпретации

Аналогичные упреки в субъективности встречаются и ранее. Показательна в этом плане работа В. В. Вересаева «Живая жизнь». Первая часть – «О Дос-

товском и Льве Толстом» – вышла в 1910 г., вторая «Аполлон и Дионис» (о Ницше) – в 1914 г., вызвав многочисленные споры и обсуждения. Известный русский писатель был достаточно категоричен, назвав «Рождение трагедии...» сочинением блестящим, но фантастичным. Автор «Живой жизни», прекрасно эрудированный в истории античной культуры, занимавшийся переводами древнегреческих поэтов, выявляет в работе Ницше ряд культурологических несоответствий. Вересаев опровергает столь ценную самим Ницше идею о главенствующей и первоначальной роли музыки в трагедии. Если Ницше утверждал единство зрителей и хора, которые сливаются в общем дионисийском порыве, возвышающим волю к жизни, то Вересаев, приводя выразительные примеры из трагиков, показывает, что хор, напротив, ведет скорее к отрицанию этой воли, демонстрируя страх, отвращение перед страданием, а не его экстатическое принятие. Не соглашается исследователь и с ницшевской трактовкой Аполлона как прекрасной иллюзии, отмечая, что для греков он был живой религиозной действительностью. В целом, как считает писатель, ницшевская образно-терминологическая система, навеянная пессимизмом Шопенгауэра, не является подходящей к описанию реальности эллинской культуры. В противоположность Ницше Вересаев рисует образ светлого, жизнерадостного народа, который в то же время прекрасно осознавал все ужасы существования и был готов их мужественно переносить, поэтому и не нуждался подобно новейшим европейским философам-декадентам в метафизическом утешении. Вересаев решительно опровергает мысль Ницше об оправдании бытия как эстетического феномена, считая ее совершенно чуждой древнегреческой ментальности.

3. Художественно-эстетические интерпретации

Провозглашенная еще романтиками традиция единства искусства, философии и религии находит яркое воплощение в России начала прошлого века. Ир-

рациональная же немецкая философия давала яркий пример размывания границ между художественной, мифологической и собственно философской сферами. Отчасти потому она и вызывала огромный интерес в творческой среде, влияла на стиль мышления эпохи, подпитывала ее идейно и образно. В частности дионисийско-аполлоновский миф, отринутый большинством академических ученых, стал одним из доминирующих в поэтике и эстетике символистов. Многие из них, обращаясь к этому мифу, стремились осознать собственное творческое кредо.

Так, в понимании А. Блока поэт оказывается теургом, который обладает изначальной свободой в мире и эзотерическим знанием о нем. «Золотой меч» поэта озаряет те миры, откуда слышны голоса и музыка, рождаются неясные лики. Жизнь, утратившая способность прозревать светлые миры перерождается в искусство. А. Блок воспринял революцию как мятеж темных миров, погасивших «золотой меч». Творческая личность не может снова его найти, потому что превращается из пророка в поэта, желая ясности и пластики. Свет и Тьма у А. Блока не только понятия эстетической теории, но, как полагают многие исследователи,

и глубинные образы самой поэзии. В частности, К. Чуковский, близко знавший Блока, в своем прочтении его лирики ассоциирует Прекрасную даму с антиподом Тьмы. Исследователь склоняется к тому, чтобы трактовать сборники «Ante Lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме» так, как если бы это был единый цикл мифических сказаний об изначальном господстве Тьмы и, наконец, озарившем ее Свете.

Рассмотрев отдельные аспекты формирования у отечественных мыслителей представления об античности под влиянием ницшевской теории, можно сказать, что восприятие идей философа носило полемический и творческий характер. Диалектика дионисийско-аполлоновского, критика сократической культуры, рецепция этических и политических идеалов античности, а также эстетическая проблематика указали особый путь к диалогу между Новейшим временем и далекой древностью. Его своеобразие состоит в смещении интересов с историко-теоретических вопросов к проблеме кризиса культуры, актуализации архаических мифов, классических и эллинистических учений в процессе создания и преобразования жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вересаев, В. В. Живая жизнь. О Достоевском и Л. Толстом. Аполлон и Дионис (о Ницше). – М.: Политиздат, 1991.
2. Зелинский, Ф.Ф. Фридрих Ницше и античность. // Ницше: pro et contra – СПб.: РХГИ, 2001.
3. Зелинский, Ф.Ф. Древний мир и мы. – СПб.: Школа-Пресс, 1997.
4. Клюс Э. Ницше в России: Революция морального сознания. – СПб.: Академический проект, 1999.
5. Лосев А.Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. Антология. – СПб.: РХГИ, 2001.
6. Синеокая, Ю.В. Российская ницшеана // Ницше: pro et contra. Антология. – СПб.: РХГИ, 2001.
7. Трубецкой Е.Н. Философия Ницше. Критический очерк. // Ницше: pro et contra. Антология. – СПб.: РХГИ, 2001.
8. Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше – М.: Центрполиграф, 2004.